

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теологии Белгородского государственного университета, г. Белгород

Там, вдали, за рекой...

Ключевые слова:

История России, XVI в., русско-крымские отношения, малые города России

В данной статье автор обращается к истории русских городов, расположенных на южной границе Русского государства, в контексте изучения истории русско-крымского противостояния XVI в. Он выдвигает тезис, согласно которому города по Оке и за Окой строились и поновлялись прежде всего как государевы крепости, в задачу которых входило недопущение внезапного и незаметного выхода татарских ратей к Оке, прикрывавшей сердце Русского государства. Доказывая это предположение, автор статьи подробно описывает ряд ярких и примечательных эпизодов борьбы русских против татарской агрессии, в которых активное участие приняли ратные люди «украинных» и «польских» городов и жители формировавшихся вокруг них уездов.

Под впечатлением от осад Полоцка, Пскова и многих малых русских крепостей на «литовской Украине» на завершающем этапе Ливонской войны, в 1579–1582 гг., польский историк Р. Герберштейн, участник и очевидец тех событий, писал, что «ни на одно средство князь [московский государь. — В. П.] не полагается так много, как на укрепления». И, развивая свою мысль, дальше он отмечал, что русские проявили «во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей» [5, с. 89].

Эти слова в полной мере могут быть отнесены к русским городам по Оке и за Окой и их защитникам, чья роль в успешном противостоянии крымской агрессии до сих пор не нашла должного отражения. Попы-

таемся хотя бы отчасти открыть завесу небытия и отдать должное мужеству наших предков, строивших Русское государство в борьбе с бесчисленными врагами. Конечно, в рамках одной журнальной статьи нельзя рассказать обо всем. Однако можно выбрать самые яркие, самые характерные эпизоды этого противостояния, наглядно демонстрирующие драматизм тех давних событий и накал борьбы, ставка в которой действительно была больше, чем жизнь.

Как получилось так, что, казалось бы, небольшое Крымское ханство, силы которого нельзя было сравнить с русскими, оказалось столь серьезной угрозой для Москвы? Для ответа на этот вопрос нужно вернуться в самый конец XV — начало XVI вв. С распадом Зо-

лотой Орды складывавшаяся на востоке Европы на протяжении столетий система политических отношений была разрушена, и на обширных территориях, ранее находившихся под контролем Орды, образовался политический вакуум. Но природа, как известно, не терпит пустоты, и на ордынское наследство немедленно объявилось несколько претендентов, главными из которых были Москва, Крым и Большая Орда. В борьбе за это наследство сложился союз между московским государем Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем I, направленный против Литвы и хана Большой Орды Ахмата.

Однако этот союз, сложившийся по принципу «против кого дружить будем?», изначально был обречен на недолговечность. Многие в Крыму явно

были не в восторге от той стремительности, с которой Москва набирала мощь. И когда в 1502 г. Большая Орда рухнула, переход от дружественных отношений к открытой враждебности был лишь вопросом времени. И долго ждать этой перемены не пришлось. Как отмечал отечественный историк В.П. Загоровский, «...в 1504–1506 гг. намечилось, а с 1507 г. определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства. С этого времени на долгие годы Крым стал врагом России...» [8, с. 46].

Решив изменить свою политическую ориентацию, Менгли-Гирей повернулся лицом к сопернику русских государей великому литовскому князю Сигизмунду I. В 1507 г. хан пожаловал ему ярлык «на княжение»: «Ино первые цари, дядя наши, и царь отец наш пожаловал которыми ярлыки, а потом и мы которым ярлыком пожаловали, милуючи, Жигимонта брата нашего, въ Литовской земли столець ему дали есмо» [1, с. 4, 5]. Среди прочих русских городов, которыми он, Менгли-Гирей, как истинный ордынский «царь» пожаловал своего «брата», были Тула, Брянск, Стародуб, Путивль, Рязань и даже Псков с Новгородом с «люди, тмы, города и села, и дани и выходы, и з землями и з водами и с потоками!»

На первых порах в Москве не обратили должного внимания на этот демарш хана. Мало ли что писал и думал крымский «царь», тем более что первый набег, предпринятый крымцами на «государеву украйну» в 1507 г., был успешно отражен пограничными воеводами [18, с. 5]. Первый звонок не был услышан, и спустя пять лет, в 1512 г., последовал второй. Татарские «царевичи» выступили походом на Русь и, хотя известие о походе было получено достаточно скоро, сбор и развертывание русского войска запоздали. Пока полки поместной конницы собрались и выдвинулись на «украину», татары, ополчившись в уездах по Оке, поспешили уйти в Поле [8, с. 56; 18, с. 15; 23, с. 45; 24, с. 115]. Новые нападения татар, в июне на юго-западную украйну, а в июле на рязанские земли, были отражены русскими войсками.

Новый же набег, в октябре, оказался удачнее — «...Бурнаш-Гирей, царевич, Менли-Гиреев сын, приходил на Рязань ратию и острог взял и ко граду приступал...» [10, с. 149; 18, с. 15; 21, с. 103, 104].

Как показали все эти события, к активным действиям крымских татар на южной границе в Москве оказались не готовы. Занятое войной с Великим княжеством Литовским из-за Смоленска, правительство Василия III не обратило должного внимания на возникший внезапно новый фронт. Убаюканное пассивностью Менгли-Гирея, оно, видимо, полагало, что крымский хан не решится окончательно порвать многолетние дружественные связи с Москвой. Однако если такие расчеты и были, то они оказались глубоко ошибочны. Нет, не зря, совсем не зря Менгли-Гирей выдал ярлык Сигизмунду! Прибывшее в Москву осенью 1515 г. крымское посольство привезло грамоту, в которой Менгли-Гирей потребовал от Василия III отдать ему, «Великия Орды великому царю», восемь городов — Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Рыльск, Путивль, Карачев и Радогошь, поскольку де, «...те писанные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали по нашему их слову...». Более того, Менгли-Гирей обвинил Москву в недружественной по отношению к нему, «царю», политике, так как Василий III «...королю враждебные чиня дела, без нашего ведома шед, Жигимонту королю, которому мы, пожаловав, дали Смоленской юрт, воевал его и разрушил, и город Смоленск взял деи еси...». Кстати говоря, это свое требование хан подкрепил посылкой на русскую «украину» своего старшего сына Мухаммеда-Гирея «с своею братью и со всеми детми и со многим людами», которые атаковали владения князей Василия Шемяича и Василия Стародубского, «...люди у них под города люди многих побили, а иных многих живых переимали...» [21, с. 104, 154, 155].

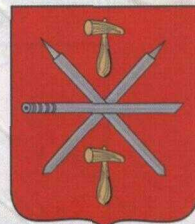
Получив это послание вместе с такой же грамотой сына и преемника Менгли-Гирея Мухаммеда-Гирея I, Василий

Хан Менгли-Гирей

III и его советники поняли — отныне южная граница перестала быть спокойным местом и нужно всерьез озаботиться созданием системы ее обороны от татарских набегов. И русским городам по Оке и за Окой предстояло сыграть в ней весьма и весьма значительную роль. Почему?

Для ответа на этот вопрос сравним позиции Москвы и Крыма. Посмотрев на карту, нетрудно заметить, что в «большой игре», разворачивавшейся в Восточной Европе, чуть ли не все козыри были в руках крымских Гиреев. За их спиной стояла могущественная Османская империя, первоклассная по тем временам военная держава. Под ее прикрытием крымцы могли позволить себе много, много больше, чем та же Казань или Астрахань. Но и это еще не все. Между Окой и «островом Каффы» (как назвал Крым а конце XV в. венецианец Иосафат Барбаро) лежали сотни верст безлюдной степи, защищавшей владения крымского хана от русских ратей лучше самых мощных валов и бастионов. Если Москва могла относительно легко достичь Казани и Астрахани по рекам, перебросив под их стены водой артиллерию, пехоту и все необходимые припасы — как писал американский историк У. Мак-Нил, «...московские цари устанавливали свою власть повсюду, куда судоходные реки позволяли доставить тяжелые пушки...», то с Крымом такой вариант не проходил. В итоге в борьбе с крымскими татарами русские не

Тула.
Герб города

могли реализовать свое технологическое и техническое превосходство «пороховой империи» [16, с. 120; 35, р. 15].

Совсем иначе обстояло дело с татарами. Для завоевания Русской земли необходимых ресурсов у них, конечно, не было, но вот обложить ее данью, совершать регулярные опустошительные набеги на Русь за пленниками и «животами» — это было им вполне под силу. «...Кружась около границы подобно тому, как летают дикие гуси, — писал английский путешественник и дипломат XVI в. Дж. Флетчер, — захватывая по дороге все и стремясь туда, где видят добычу...» [34, с. 90], ничем ни рискуя, они могли выбирать время и место нанесения удара. Русские же воеводы, вынужденно встав в оборону, должны были все время играть в игру «Кто, где, когда?». Ставкой в ней были жизни сотен и тысяч русских людей, и не столько воинов, сколько мир-

ных крестьян и посадских людей, которые своей головой и свободой отвечали за промахи воевод. От Серпухова и Коломны до Москвы было меньше сотни верст — 2–3 конных перехода, а для идущей налегке конной рати — и того меньше. И если государевы воеводы допускали промах, то последствия такой ошибки были очень печальны. Развернутые вдоль Оки на десятки верст «тонкой красной линией» русские полки не успевали сосредоточиться для отпора, оборонительная линия по «берегу» оказывалась прорвана и... Дальше можно не продолжать — последствия прорыва крымских «быстрых как ветер охотников на неприятелей» (выражение, часто использовавшееся турецкими хронистами при описании татар) в густонаселенные уезды между Москвой и Окой предугадать нетрудно.

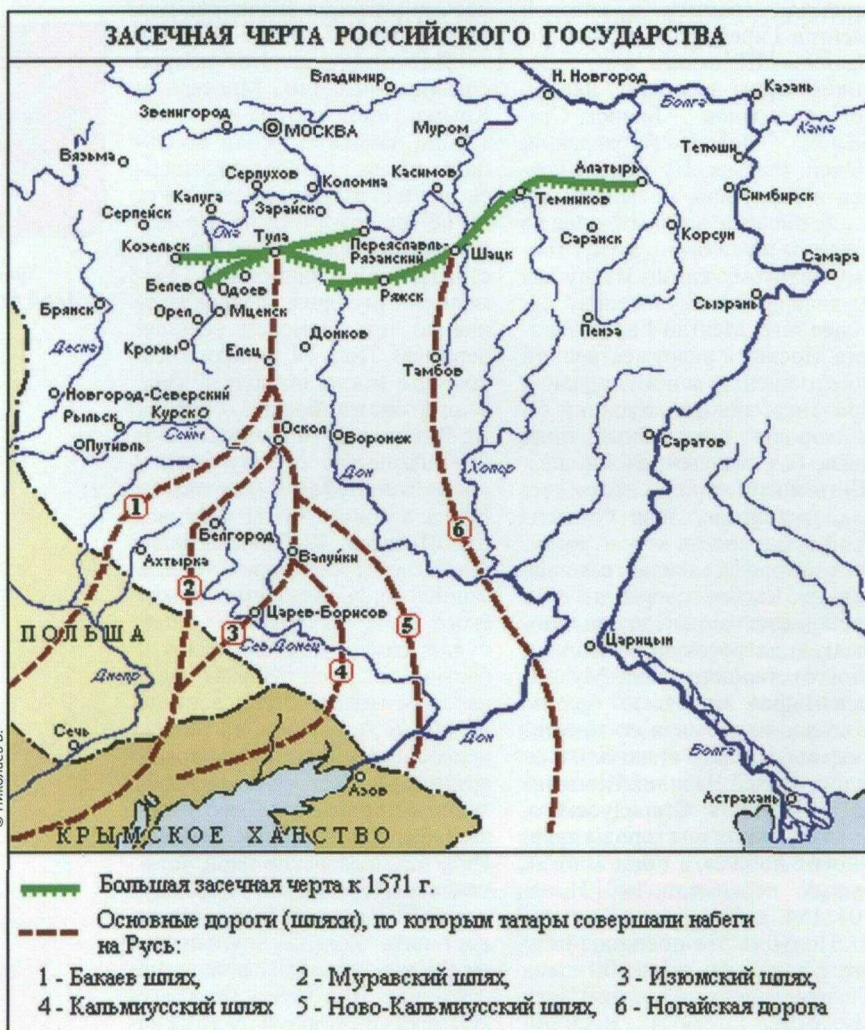
Выход из этой ситуации напрашивался сам собой —

нужно было построить глубоководную оборону «государевой украины», лишить татар фактора внезапности, заблаговременно обнаружить их, вынудить вступить в бой или же отступить. И выдвинутые далеко в Поле города-крепости, населенные многими «ратными людьми, казаками и стрелцами и жилецкими людьми» должны были принять на себя первый удар врага, дав воеводам на «берегу» время для принятия контрмер. И это было главным предназначением заочских, «польских» городов, их исторической миссией.

Но вернемся к нашей истории. В первые годы после смерти Ивана III переориентация оборонительных усилий Русского государства с западного на южное направление шла медленно, и этот процесс хорошо отслеживается по материалам разрядных книг, четко фиксировавших расположение русских полков на границе. Центр тяжести обороны постепенно смещается к востоку. Если в 1513 г. (именно в этом году в разрядных книгах впервые был упомянут «берег») полки были расставлены на Угре и могли быть повернуты как на Литву, так и против крымцев, то в последующие годы они выстраиваются на «берегу» не только на Угре, но и восточнее, по Оке севернее Тулы, в районе Серпухова и Каширы [17, с. 64–66; 23, с. 158, 159, 162, 163, 166, 167, 168, 171–174; 24, с. 61, 62, 64, 65]. Начались работы и по совершенствованию оборонительных укреплений городов в этом районе. Так, в 1507 г. в Туле был заложен новый каменный кремль. Однако его строительство затянулось, и сразу после очередной русско-литовской войны 1507–1508 гг. Василий III повелел возвести деревянный кремль. Однако он простоял недолго, и уже в 1514 г. началась очередная перестройка тульского кремля, на этот раз в камне и красном кирпиче. Завершены работы были в 1520 г. [4, с. 250; 12, с. 37; 18, с. 36]. И случилось это событие как нельзя более вовремя — на следующий год на Русь обрушился «крымский смерч» (так образно и вместе с тем емко назвал это событие выдающийся отечественный историк А.А.

Серпухов.
Герб города

Зимин). Мухаммед-Гирей, неожиданно явившись под Коломну с примерно 30-ю тыс. всадников, разбил по очереди русских воевод, не успевших собраться вместе, переправился через Оку и подверг беспощадному опустошению уезды к югу от Москвы.

Это событие стало знакомым в истории русско-крымского противостояния. В Крыму хорошо запомнили, как татарские всадники разбили русские рати, разорили сердце Русского государства и вынудили Василия III дать грамоту с согласием стать данником крымских Гиреев. Многие ханы лелеяли надежду повторить «крымский смерч», и пытались сделать это. Помнили об этом поражении и в Москве, и после 1521 г. правительство Василия III всерьез озаботилось укреплением южной границы. Вслед за Тулой настал черед Коломны, укрепления которой не поновлялись с сер. XV в. В 1525 г. «князь велики Василие Иванович велел град Коломну камен делати». Работы длились шесть лет, пока в 1531 г. «доделан бысть град Коломна камен». В том же году завершилась работа над строительной деревянного кремля в Кашире [3, с. 313; 4, с. 278]. Три крепости — старая серпуховская и новые коломенская и каширская стали опорными пунктами создаваемой «береговой» оборонительной линии.

Следующим шагом стала постройка крепостей за Окой. Тула стала первым опытом создания мощной крепости за Окой, а вторым таким опытом стал Зарайск на реке Осетр, прикрывший подступы к Коломне с юга и к Рязани с востока.

Зарайский кремль был начат постройкой по приказу Василия III в 1528 г. и завершен тремя годами позднее. Эта геометрически правильная крепость, несмотря на свои относительно небольшие размеры, представляла внушительное сооружение, защищенное не только мощными каменно-кирпичными стенами и башнями с многочисленными бойницами для артиллерии и пищалей, но и практически со всех сторон балками и оврагами [4, с. 278; 11, с. 65, 66, 83, 85; 31, с. 291; 32, с. 521]. Возведенный в короткий срок, зарайский кремль

надежно перекрыл путь, по которому татары могли выйти к Оке. И очень скоро он прошел боевое крещение.

В 1541 г. давно собиравшиеся тучи разразились грозой — крымский хан, воинственный Сахиб-Гирей, давно угрожавший Москве повторением «смерча», наконец собрался в поход. Но русские воеводы за двадцать прошедших лет изрядно поднаторели в степной войне и выход крымцев к «государевой украине» не остался незамеченным. Выброшенные заблаговременно далеко в степь русские сторожи обнаружили татар еще во время их переправы через Северский Донец, а потом не упускали их из виду все время, пока враги медленно продвигались на север. Хан, зная о мощи Тулы, отнюдь не испытывал особого желания пробовать ее на зуб и решил обойти ее слева, выйдя к Оке под Коломной. Но на пути его стоял Зарайск, к стенам которого он подступил 28 июля 1541 г. — как сообщила летопись, «июля же 28, в четверток,

Прончанам было ясно — татарский штурм будет отчаянным...

пришел царь Крымской со многими людьми Крымскими и с Нагайскими и с Турки, со многим с великим нарядом с пушечным и с пищальным на Осетр к городу к Николе Заразскому, и начаса Татарове приступати к городу» [14, с. 40]. Однако зарайский воевода Н. Глебов, несмотря на то, что «полк» воевод князей С.И. Микулинского и В.С. Серебряного был отянут по приказу из Москвы к Оке, не утратил расположения духа и вместе с севшими в осаду немногочисленными детьми боярскими, горожанами и поселянами, отбил все попытки татар налетом взять город. Более того, в плен было взято 9 татарских воинов, отправленных в Москву.

Сведения, полученные от взятых «языков», равно как и задержка татар под стенами Зарайска, помогли «большому» воеводе князю Д.Ф. Бельскому

предпринять меры по отражению попытки татар переправиться через Оку. В длившемся целый день 30 июля 1541 г. «стоянии» на Оке русские полки не допустили неприятеля на левый берег реки и существенно потрепали его. Убедившись в провале своего замысла, Сахиб-Гирей ночью начал поспешное отступление.

Однако, повернув назад, хан оказался перед сложной проблемой — как, потерпев неудачу на Оке, все же сохранить лицо? Как показывали потом на допросе взятые татарские «языки», хан «говорил своим князем что получил великое бесчестие, привел с собою многих орд люди, а Русской земле не учинил ничего». Советники хана, «старые татарове», напомнили ему о походе Тамерлана, который, не дойдя до Москвы, взял Елец и опустошил Елецкое княжество. И тогда Сахиб-Гирей «князем говорил: "есть у великого князя град на Поли именем Пронеск, близко пути нашего предлежит, и мы его шед возьмем и створим ему яко и Елечю, да не ркут люди что царь приходил на Рускую землю, а Руси не учинил ничего"» [4, с. 300].

К Пронску Сахиб-Гирей подошел 3 августа 1541 г. Город был «срублен» осенью-зимой 1535–1536 гг. на возвышенности «на реке на Проне и на речке на Пралье» в рамках обширной программы строительства пограничных крепостей, осуществлявшейся правительством вдовы Василия III Елены Глинской. Новый городок представлял по «польским» меркам сильную крепость. Так, в конце XVI в. в Пронске было 8 башен, 14 пушек и 21 затинная пищаль, не считая присланных незадолго до этого из Москвы 21 пищали и 42 «решниц» без станков [28, с. 259; 33, с. 255, 256]. Взять такой город с налета было сложно. Оборону города возглавили воеводы В. Жулебин и А. Кобяков «не с многими людьми», которым помогли горожане и жители окрестных сел и деревень, сбегавшиеся под защиту стен Пронска.

Хан разбил свою ставку «за рекою за Пронею близко города, а войску велел приступати к городу с пушками и с пищальми и градобитными снарядами». Летопись сообщала, что в тече-

**Коломна.
Герб города**

**Зарайск.
Герб города**

Пронск.
Герб города

Одоев.
Герб города

ние всего дня 3 августа «татарове приступиша всеми полки к городу, ис пушек и ис пищалей начала по городу бити, а стрелы их аки дождь полетеша, и к стенам града приближишися; з града же против начаша пушки и пищали на татар пущати, а которые татарове к стене приступиша, и тех з города кольем и камением отбиша» [4, с. 301; 20, с. 68]. Небольшой калибр и малочисленность татарской артиллерии не позволяли ей разрушить стены пронского кремля. Поэтому артиллерийская канонада вкупе с массивным лучным обстрелом крепостных стен преследовала собой другую цель — заставить защитников города покинуть свои места на стене и укрыться от неприятельского огня. В таком случае у штурмующих появлялась реальная возможность навязать защитникам города рукопашный бой, в котором татары имели бы определенное преимущество.

Однако этот замысел не удался, и тогда Сахиб-Гирей попытался добиться сдачи города иным путем. Посланные им парламентарии предложили воеводам сдать город на «царскую» милость. В противном же случае, заявили они, хан будет вести осаду до победного конца — «не взявши царю города прочь не ити». В.И. Жулебин же на это предложение, по сообщению летописи, отвечал: «Божиим велением град ставится, а без Божия веления хто может град взятии? А пождад бы царь мало великого князя воевод, а великого князя воеводы за ним идут». И тут уже неважно, действительно ли мужественным воеводой были произнесены эти слова или же он ответил татарским посланцам иначе, короче и жестче. Получив отказ, Сахиб-Гирей отдал приказ своим воинам «туры готовить и градобитные приступы пасти». Готовились к новому штурму и защитники города — «Василей [Жулебин. — В. П.] и Александр [Кобяков. — В. П.] всеми людми и женским полом город крепити и на город велел колье, и камение, и воду носити» [18, с. 112, 113]. Прончанам было ясно — татарский штурм будет отчаянным и в случае, если они не устоят, то большинство защитников сло-

жит свои головы в бою, а оставшиеся в живых будут угнаны в татарское рабство.

Однако помощь была уже близко. По приказу князя Бельского вдогонку за отступающим ханом были посланы воеводы князя С.И. Микулинский-Пунков и В.С. Серебряный, «а с ними многих людей выбрав изо всех полков дворовых и городовых» [4, с. 300; 15, с. 458; 18, с. 113, 114]. Воеводы догнавши татарские арьергарды, побити их, взяли пленников, которые поведали на допросе о намерении хана взять Пронск. На помощь «лехкой рати» были посланы воеводы князя Ю.А. Оболенский Пенинский и В.С. Мезецкий «с многыми людми», а также рязанские ратные люди. 5 августа отборные русские полки подошли к Пронску и в город через неплотное кольцо осады пробрались посланцы воевод С.И. Микулинского и В.С. Серебряного, «дети боярские Андрей Васильев сын Овцын да Иван Семенов сын Нащекин Ветреного с таварыщи, семь человек». Они сообщили,

Пока строились эти города, в Поле продолжались схватки между русскими ратными людьми и татарами.

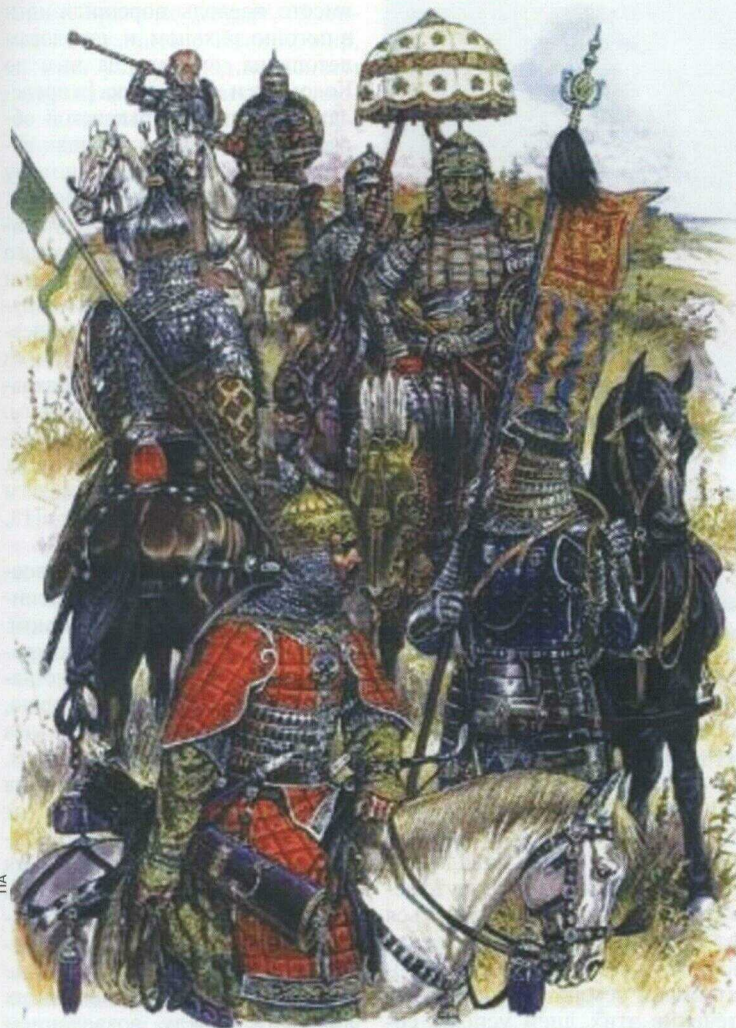
что пославшие их воеводы просили прончан «сидеть крепко», а они, воеводы поспешают к городу «к городу наспех со многими людми и хотим с царем дело делати, сколко нам Бог поможет» [4, с. 300, 301; 18, с. 112; 25, с. 297, 298]. Эта весть приободрила осадных сидельцев — теперь они знали, что их не забыли и что помощь близка. Тем временем в руки татарских сторожей попался один из прончан (или же он был нарочно послан воеводами?), который сообщил татарам о том, что на помощь осажденному городу идет большая русская рать, готовящаяся к «прямому делу» с «царевым войском». К этому «царские» сторожи добавили, что на пути к ханской ставке они видели русские разезды.

Это известие неприятно поразило хана. Столкновение с

русской ратью отнюдь не входило в его планы и он, приказав уничтожить весь изготовленный к тому времени осадный «наряд», утром 6 августа снялся с лагеря и поспешил к Дону. Подошедшие спустя некоторое время к Пронску русские воеводы обнаружили лишь брошенный татарский лагерь, остывшие угли, следы от тысяч копыт и тележные колеи, уводившие к югу. Не теряя времени, воеводы поспешили вдогонку, но, подойдя к Дону, обнаружили, что «царь уже Дон перевезся». Отправив за ним сторожи, воеводы «возвратишася и приидоша к великому князю на Москву все здравы» [18, с. 113, 114].

Последний акт этой драмы разыгрался под другим украинским городком — Одоевым. Наследник-калга Сахиб-Гирей, «царевич» Эмин-Гирей, недовольный отсутствием какой-либо добычи, решил попытаться счастья самостоятельно. Отделившись от отца, он со своими людьми направился под Одоев, находившийся в 180 км по прямой к юго-западу от поля битвы. На что рассчитывал «царевич», предпринимая этот шаг, можно только догадываться. Быть может, он полагал, что, поскольку главные русские силы находились на Оке под Коломной, там, куда он направился, русских ратей не будет, и можно будет хотя бы отчасти взять реванш за неудачу, заодно и неплохо разжиться полоном и скотом. Однако его расчеты не оправдались. Навстречу калге выступил из Одоева удельный князь В.И. Воротынский «с своею братию». Атакован внезапно неприятеля, Воротынский обратил Эмин-Гирей в бегство, положив на месте многих татар, а 45 человек взял в плен, отослав их в Москву в подтверждение своей победы [18, с. 139].

Известия о победе и отступлении хана и его ратей были с облегчением встречены в Москве. Гроза миновала. «И бысть тогда радость на Москве велия, — и государь бояр и воевод жаловал великим своим жалованием, шубами и купки» [14, с. 140]. Однако эта неудача не вразумила татар, и обстановка на южной границе оставалась напряженной. Осознавая неизбежность повторения больших походов крымцев (не говоря о

Воины крымско-татарского ханства

мелких набегах, которые давно стали обыденностью), новое московское правительство Ивана IV продолжило укреплять «крымскую украину». Еще весной 1551 г. на р. Проне западнее Пронска был «поставлен» город Михайлов, весной 1553 г. — еще одна крепость, «на шагцких воротех», Шацк, а еще через год поставлена была крепость Дедилов. С весны 1555 г. на страницах разрядных книг появляется Болхов, а осенью 1557 г. началось строительство Рязска («Ватман-города на Пехлице») [17, с. 150, 159, 167, 171, 191]. Наконец, между 1556 и 1558 гг. на Псле примерно в 240 верстах южнее Путивля был возведен еще один укрепленный город. «Новый город на Псле» упоминается в разрядных книгах под 7066 (1557–1558 гг.) годом, однако, очевидно, что он был поставлен раньше, раз в этом году туда

были назначены воеводы. Возможно, это место было примечено в 1556 г., когда воевода М. Ржевский был послан Иваном IV «ис Путимля на Днепр с казаки... под улусы крымские и языков добывати, про царя проведати». Выполняя царское повеление, Ржевский «собрався с казаки да пришел на Псел-реку, суды поделал и пошел по наказу...» [17, с. 197; 18, с. 269]. И на том месте, где Ржевский и его люди «поделали суды», и был, скорее всего, и заложен Псельский город.

Пока строились эти города, в Поле продолжались схватки между русскими ратными людьми и татарами. Время от времени малые татарские набеги сменялись большими походами, как это было в 1552 г. (хан явился под Тулу, но был разбит) или в 1555 г. (когда «царю» удалось разбить «лехкую рать») воеводы И.В. Шереметева-Большого под

Судьбищами). В 1562 г. Девлет-Гирей, узнав о том, что «за королево [Сигизмунда II, короля польского и великого князя литовского. — В. П.] неисправление» Иван Грозный послал воевать «Литовскую землю» свои полки, а в мае и сам отправился в поход «на свое дело Литовское» [18, с. 341], решил снова попытать счастья. Хану, несколько лет кряду отсиживавшемуся за укреплениями Перекопа от набегов русских ратных людей, казаков и ногайских татар, как никогда нужен был хотя бы небольшой успех для того, чтобы на время заткнуть рты недовольным и заодно показать «московскому», что его рано списывать со счетов. 6 июля 1562 г. передовые татарские отряды объявились под Мценском.

В летописях сохранилось довольно подробное описание этого похода. Первыми к Мценску подошли сыновья хана, калга Мухаммед-Гирей и Адыл-Гирей. Мценский воевода князь Ф.И. Татев-Хрипунов (из рода Стародубских князей) «с украинными людьми не со многими» и со сбежавшимися со всей округи мужиками и их семьями (кто успел) сел в осаду. «Царевичи» блокировали город, ожидая подхода отца с главными силами, а сами пока «во Мценском уезде войну ропустили», т.е. занялись грабежом и людоловством. Два дня под стенами Мценска шли стычки между татарскими наездниками и людьми Татева. Воевода, полагая, что главная защита города не стены, а люди, в нем сидящие, неоднократно выезжал из ворот Мценска со своими ратниками, «о посаде билися и посаду им жеци не дали и крымских людей побивали и языки у них поимали».

На третий день к Мценску прибыл сам «царь», и не один, а с «нарядом». В течение всего дня продолжался бой за посад, и Татеву удалось все же отстоять примыкавшую непосредственно к мценскому кремлю часть посада, а «далние двory у посада, которых уберечи было немощно, те татарове двory пожгли». Убедившись в том, что с ходу взять городок не удалось, хан отдал приказ отойти от города. Ночью, по сообщению летописца, свернулся и начал отход татарский обозкош, «а назавтрее сам царь со

Болхов.
Герб города

Мценск.
Герб города

© Иванов С.В.

Смотр служилых людей

всеми людьми и прочь пошел от города». На обратном пути Девлет-Гирей не стал удерживать своих людей, и его мурзы, среди которых первым был назван Дивей-мурза, «войну распустили к Болхову и на Белевские места» [18, с. 342].

Надо полагать, что Девлет-Гирей не желал рисковать и не стал дожидаться, пока русские воеводы на берегу проснут от богатырского сна и попытаются наказать вторгшихся во владения Ивана Грозного татар. Какая-никакая добыча захвачена, необходимый эффект произведен — можно и отойти, ну а кому мало — пусть попытает счастья самостоятельно. И некоторые мурзы на свою голову попытались.

Надо сказать, что именно в этой ситуации отделившиеся от главных сил татарской рати отряды и подвергались смертельной опасности, превращаясь из хищников в добычу. В сходной ситуации в конце IX в. неизвестный византийский военачальник советовал имперским стратигам, охраняющим границы Империи от набегов мусульман, атаковать врага не тогда, когда он вступает на ее территорию, а тогда, «когда они [мусульмане. — В. П.] возвращаются к себе домой из наших владений». Почему? Ведь, казалось бы, лучше было бы разбить неприятеля прежде, чем он успеет разорить твои земли. На этот вопрос стратиг отвечал,

что «вследствие долговременного пребывания в ромейских областях они будут сильно угнетены и ослаблены. Возможно, они будут обременены большим количеством добычи, пленных и скота, и поскольку и сами они, и их лошади будут измучены, они будут искать возможности уклониться от сражения, стараясь и желая как можно скорее достичь собственной земли. Кроме того, в течение этих дней успеют собраться и войска ромеев... Они будут собраны в достаточном количестве, снаряжены и хорошо подготовлены к сражению. В этом случае, как мы сказали, и днем, и ночью сражение с врагами, несомненно, будет оканчиваться победой» [7, V].

Вряд ли, конечно, московские воеводы изучали этот трактат, но вот в том, что они, сами не зная того, в точности следовали рекомендациям опытного византийского военачальника, сомнений нет. Известие о приходе татар под Мценск подняло на ноги всех и вся. От Ивана на берег, в Серпухов, где стоял большой полк, прискакал царский гонец князь Д.И. Хворостинин с приказом немедленно «всесть в седло» и идти на Мценск, оставив часть сил на берегу на всякий случай. Во главе выступившей рати стал 1-й воевода большого полка князь М.И. Воротынский. Одновременно к Мценску начали стягиваться полки из украинских городов. Собравшись

вместе, воеводы порешили идти в погоню за ханом, и, по словам летописца, «ходили за ним до Коломака и до Мерчика [в пределах нынешней Харьковской области. — В. П.]; и не сошли воеводы царя крымского, потому что пошел от Украины спешно». Под раздачу попали отделившиеся от главных сил татарского войска отряды Дивей-мурзы и присоединившихся к нему других мурз и «князей». Карачевский воевода В.А. Бутурлин «з болховичи и карачевцы, болховских мест воевати им [татарам. — В. П.] не дали, но и во многих местех в загонех крымских людей побили и языки имали и полон многой отполонили» [18, с. 342; 26, с. 342].

1562 г. вообще стал своего рода рубежом в отношениях между Москвой и Крымом. Иван Грозный, до того на протяжении нескольких лет не дававший покоя Девлет-Гирею, посылая против его улуса раз за разом своих ратных людей, решил сконцентрироваться на войне с Литвой и перешел от наступления к обороне. Демонстрируя свои изменившиеся намерения, русский государь приказал в 1562 г. срыть Псельский город, чрезвычайно сильно беспокоивший крымцев, не без оснований проводивших аналогии между возведением этой крепости и строительством Свияжска на ближайших подступах к Казани накануне ее падения. Но, отказавшись от продолжения наступления на Крым и разрушив Псельский город, Иван взамен приказал продолжить укреплять южную границу, перекрывая доступ татарам к Сердцу Русского государства. Так, в 1563 г. был отстроен Новосиль, в 1566 г. были возведены Орел и Елифань, за ними последовал в 1568 г. Данков [6, с. 335; 8, с. 148; 13, с. 45; 17, с. 256; 18, с. 405; 27, с. 234]. Построенные в 50-х — 60-х гг. города-крепости в Поле образовали практически непрерывную линию укреплений, протянувшуюся от верховьев Оки на западе до Цны на востоке, перекрыв важнейшие пути вторжения татар в Русскую землю. Эта линия была возведена как нельзя более вовремя, поскольку расчеты Ивана Грозного на замирение с ханом провалились. Хан, после

Новосиль.
Герб города

Орел.
Герб города

неоднократных неудач склонный заключить с Иваном мир, не смог устоять под давлением «партии войны» при своем дворе и, подчиняясь «приговору» своей «большой думы», выдвинул неприемлемые для Ивана Грозного требования выплаты той самой 1521 г. «Магмет-Киреевой дани» и передачи под власть Крыма Казани и Астрахани. Большая война стала неизбежной, и одним из ее эпизодов стала попытка татар в 1565 г. взять Болхов.

Позднее, отписывая Ивану Грозному о событиях этого года, русский посол в Крыму А. Нагой сообщал, что Девлет-Гирей, отправившись было в поход на «государеву Украину», встретил московского гонца С. Бергенева, спешившего в Крым с новыми мирными предложениями русского царя. Ознакомившись с ними, хан счел возможным повернуть назад. Однако, узнав об этом, «на царя и на царевича пришли землей со всем войском, что им воротиться немочно, потому что многие люди пошли на войну, а лошадей покупали заимья» [2, с. 56]. Причина для продолжения похода, конечно, более чем весомая! Видимо, предыдущий поход 1564 г., когда крымцы неожиданно напали на Рязань, оказался для татар удачным, и в следующий ход на Москву собралось множество охотников за живой добычей. Ради такого случая влезшие в долги, они не собирались отказываться от надежды разжиться «животами» и полоном только потому, что к хану приехал какой-то там гонец от правителя «неверных». А рисковать своей короной, да и жизнью в придачу ради того, чтобы продолжить переговоры с «московским», Девлет-Гирей не желал.

Итак, поход продолжился. Но зря «татаровя» рассчитывал и в этом году неплохо пожить на Руси и поправить свои дела, рассчитавшись по кредитным обязательствам русскими пленниками, мужиками, бабами да детишками. Пока орда медленно продвигалась на север по Муравскому шляху, в Москве тем временем с началом осени и нового, 7074 г., переменили некоторых воевод в украинских городах и продолжали держать войско на берегу в готовности.

Прошло полторы недели, и путивльский наместник князь Г. Мещерский прислал на Москву государю весть, что «прибежал к нему в Путимль от станишного головы от Романа Семичова сын боярской ноугородец Гришка Яцкой, а сказывал, что наехал Роман вверх Торца и на Каменном броду сентября в 21 день, стоят де многие люди и огни горят многие и стрельбу слышали». И дальше князь сообщал, что станичники ему сообщали, что де чают они, «пришли люди в Русь на Изюм Курган да на Савин перевоз, а Донец возились два дни» [27, с. 205].

По получению этих неприятных вестей воеводы немедленно вернулись ко своим полкам, гарнизоны украинских городов были приведены в готовность, а украинные воеводы поспешили на сход с береговыми. И когда хан подошел к Болхову, небольшому городку юго-восточнее Тулы, на территории нынешней Орловской области, там его уже ждали.

Реорганизация и усиление обороны южной границы Российского государства способствовало существенному снижению уровня татарской опасности.

Описания того, как разворачивались события под Болховым, в летописях и разрядных книгах различаются. Согласно летописи, 11 октября в Москву прибыло послание от болховского воеводы князя И. Золотова (не успевший покинуть Болхов до начала набега), что «пришел крымской царь к Болхову октября в 7 день, и из наряду по городу стреляли и к городу приступали». Однако на этот раз у хана ничего не вышло. «Князь Иван Золотова з детми боярскими из города выхотил и с ними дело делал, и языки поимал, а посаду ближних дворов пожечи не дал». Взятые с бою «языки» показали, что под город пришел сам Девлет-Гирей вместе с наследником калгой Мухам-

мед-Гиреем и «царевичем» Адыл-Гиреем, «а с ними все крымские люди». Кстати, если «царь» пришел с нарядом, значит, он взял с собой свою «гвардию» — своих мушкетеров и легкую артиллерию, «многие сокмы биты до черные земли и телеги большие под наряд есть». Но и это хану не помогло. Внезапность, залог успеха, был татарами утрачен, и к Болхову уже шли на помощь береговые полки. Узнав об их приближении, хан «войны не распустил» и под покровом ночи поворотил назад. Отход хана летопись датирует 19 октября, но это явная описка. При этом Девлет-Гирей, как и в прошлом году, не стал дожидаться, пока соберутся разосланные по округе фуражиры, которых русские ратные люди и украинные мужики «побивали и корму имати им не давали» [18, с. 399].

В разрядных книгах известия об этом набеге чрезвычайно лаконичны — приход хана под Болхов датируется серединой дня 9 октября, а его отход — ночью того же дня. Никаких иных подробностей при этом не сообщается, если не считать того, что, узнав о благополучном завершении истории с отражением прихода орды, царь наградил И.Д. Бельского со товарищи «золотыми», а, значит, остался их действиями вполне доволен. И еще одна интересная подробность из разрядных книг — в болховской истории впервые приняли участие опричники: «Из опришнины посылал государь под Болхов воевод, как царь приходил к Болхову, воевод с Москвы князя Андрея Петровича Телятевского, князя Дмитрея да князя Ондreja Ивановичев Хворостинных» [23, с. 224].

В последующие годы главные события большой русско-крымской войны развернулись по Оке и к северу от нее. В 1571 г. хан сжег Москву, а в следующем году потерпел сокрушительное поражение у села Молоди по дороге от Серпухова к Москве. Пламя войны лишь краем опалило «польские» и «украинные» города. Однако отметим, что события 2-й пол. 60-х — нач. 70-х гг. XVI в. интересны тем, что они позволяют в общих чертах представить устройство обороны государ-

Епифань.
Герб города

Данков.
Герб города

Рязань.
Герб города

Алексин.
Герб города